Владимир Нешумов
(10 апреля 1940 года — 22 апреля 2008 года)

Виктор Афанасьев
(1 января 1944 года — 21 февраля 2010 года)

9 785907 159464

Сон-леса

Владимир Нешумов

Владимир Нешумов

Сон-леса

НЕШУМОВ Владимир Вячеславович родился 10 апреля 1940 года в городе Каменск-Уральский Свердловской области. В дальнейшем проживал в Кувандыке Оренбургской области, (1949—1953), Ставрополе (1953—1955), Ачинске Красноярского края (1956—1957), Казани (1957—1962). С 1963 года после окончания Казанского авиационного института работал в Конструкторском бюро прикладной механики города Красноярск-26 по специальности «динамика и устойчивость летательных аппаратов». Затем проживал в посёлке Новый Свет, Крым (1968—1969), Михайлове Рязанской области (1969—1982), с 1982 года в Старом Осколе Белгородской области. С 1991 года член Союза Российских писателей.

Владимир Нешумов умер 22 апреля 2008 года.

Стихи Владимира Нешумова публиковались в газетах Казани, Красноярска, Белгорода, Старого Оскола, журналах «Идель», «Панорама» (г. Казань), «Волга» (г. Саратов), «День и ночь» (г. Красноярск), в коллективном сборнике «День поэзии. Красноярск-67» (г. Красноярск), в Антологии современной литературы Белгородчины (г. Белгород), в антологии «Час России», изд. «Современник» (г. Москва), в антологии «Поэзия закрытых городов» (г. Железногорск), в альманахе «Поэзия» (г. Москва). Автор поэтических книг: «Ощущения», изд. «Ямская степь» (г. Старый Оскол, г. Зальцгиттер, ФРГ, 1992 г.), «Виток», изд. Золотой век (г. Москва, 2000 г.), «Равновесия» (г. Белгород, 2009 г.), «Девятистрочия» (г. Белгород, 2010 г.), «Места» (г. Старый Оскол, 2011 г.).

Владимир Нешумов

Сон-леса

сборник стихов

графика Виктора Афанасьева

КОНСТАНТА
Белгород, 2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-4Бел)6-5
Н59

ИСКУССТВО НАУКА И СПОРТ

артокно культурная платформа

Издание выпущено благодаря победе в грантовом конкурсе культурной платформы АРТ-ОКНО — проекта благотворительного фонда Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт».

Не подлежит продаже

Н59 **Нешумов, Владимир Вячеславович.**
Сон-леса : сборник стихов : графика Виктора Афанасьева / Владимир Нешумов ; [графика В. С. Афанасьева]. — Белгород : КОНСТАНТА, 2019. — 128 с. : цв. ил., портр.

УДК 821.161.1-1 ББК 84(2Рос-4Бел)6-5

ISBN 978-5-907159-46-4

В книгу «Сон-леса» вошёл составленный Владимиром Нешумовым цикл стихотворений раннего периода творчества, не опубликованный при жизни автора. Текст печатается по авторизованной машинописи, обнаруженной в архиве поэта в 2018 году. В издании впервые публикуется графика ближайшего друга поэта — художника Виктора Афанасьева. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Благодарим за помощь в подготовке издания вдову поэта Т. К. Нешумову, коллекционеров В. С. Болотских, О. В. Осетрову, Л. И. Картавцеву, К. С. Гамбург, Н. А. Стахурскую-Добреву, О. Н. Топорову, С. А. Нетёсину, С. Ю. Косухину, Т. С. Казанцеву, Р. Н. Якупова, Н. М. Шестакову, Е. И. Черкасова, фотографа В. А. Воронова, коллектив Старооскольского художественного музея, О. П. Ульянову, Е. А. Мишину.
В издании использованы материалы и фотографии из электронного архива Н. В. Стахурской.

На обложке: Виктор Афанасьев. Молодая поросль.

ISBN 978-5-907159-46-4
© Нешумов В. В., стихи, 2019
© Афанасьев В. С., графика, 2019
© В. В. Нешумов, Н. В. Стахурская, послесловие, 2019
© МКУК «Старооскольский художественный музей», 2019

Нешумова трудно, нельзя читать сразу и помногу. Всё равно, как есть банками мёд или ложками — цветочную пыльцу. Лучше читать медленно и вдумчиво. Смакуя. Не на ходу. Каждый стих — как бы в отдельной рамке. Нет сегодня на карте Земли белых пятен. А на карте поэзии — судьба у неё такая — ждут нас постоянные открытия. Вот и ты, читатель, вышел к незнакомой солнечной лужайке, на которой, вздрагивая порой крупной дрожью, мирно пасётся Пегас Володи Нешумова. А на шее у лошадки — венок из одуванчиков...

Булат Галеев

В нешумовских стихах есть игра со звуком и смыслом, иногда эта игра кажется заумной, но она органична, естественна для поэта, всерьёз считающего мир Слова частью живой природы...

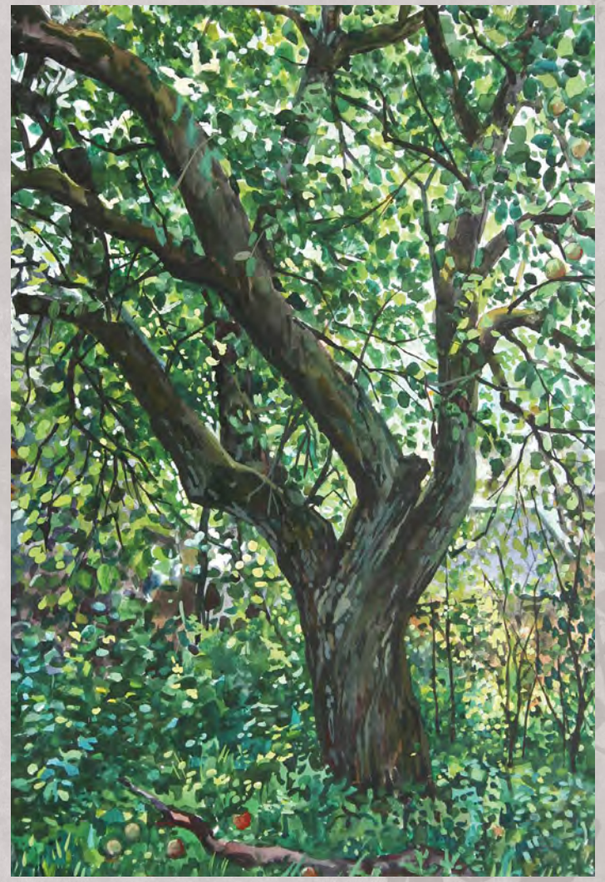
Эдуард Русаков

Колодец
(из серии «Браславские озёра»).

2007 год.
Бумага, акварель, 56х36

***

За семью болотами,
за семью заплотами,
за семь вёрст киселя
хлебать
спят сон-леса.
Посреди сон-лесов —
Семь дозорных сов.
А за семью совами,
за трын-травою сонною
камень горюч
лежит.
Под камень ключ
не бежит.
Пойду семь вёрст киселя
хлебать.
Приду в сон-леса.
Скажу семь слов
лесных
для сов,
восьмое — камню —
петушиное,
веткой взмахну
осиновой...
Совы долой сокроются,
камень горюч расколется,
ключик-родник откроется.
Наклонюсь,
напьюсь.



Старая яблоня.

2006 год. Бумага, акварель, 37х45

***

Зову.
Хотя б на два-три дня!..
И не корысти ради,
не пользы для —
ради утром рано,
горести-радости позабыв,
проснуться,
в белый омут озера
затемно окунуться,
по лесу — по грибы, по ягоды —
поаукаться, поотклик нуться,
слово за слово
о том, о сём перекинуться...

Ненароком
много кто сюда
забредал
и заветное
снова обретал.

И прошлого —
ни следа...

Голубой день. Село Кунье.

2005 год. Бумага, акварель, 35х40

Вечер в Лошице

1993 год.
Бумага, акварель, 59х39.
МКУК «Старооскольский художественный музей»

***

Насквозь пространственны леса.
Берёзы бледны и беременны.
Прозрачен силуэт лося
за дальними деревьями.

Я в тех лесах — как на духу.
Слетают суетность, болезни,
срезает пену, шелуху
ветвями лёгкими, как лезвия.

Предощущенье высоты
в моих восходит капиллярах,
и окна дивной красоты
в туманных видятся полянах.

Высь расступается, как сеть.
И в небе ангелы витают.
И руки тянутся взлететь,
и корни в землю прорастают.

***

Ох-ох-ох, в краю коряг,
в комарином болоте — комарья,
мошки да гнуса!.. Гудят —
света белого не видать.

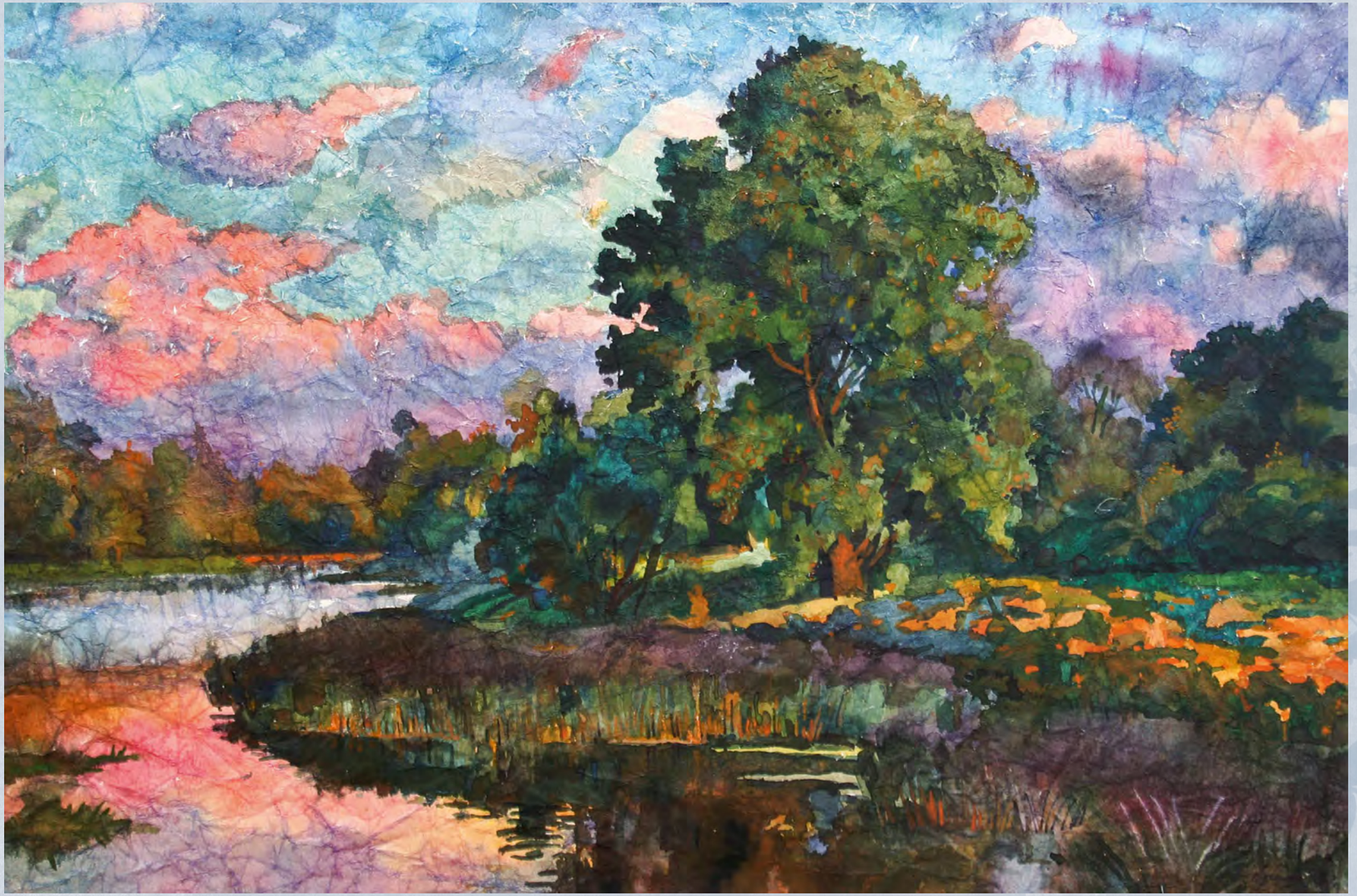
Дымокуры, накомарники —
напрасный труд.
Хоть криком вой,
хоть помалкивай —
зажрут.

В комариное болото,
ох-ох-ох, как неохота.

Мне милее бугорок.
Там гуляет ветерок.
Листву смешит
и не спешит...

Август.

2004—2005 год.
Бумага, акварель.



Розовый закат в Лошице.

2001 год.
Бумага, акварель, 62х37

***

Птичий ветер
напал на костры.
Ты прости
им прозрачные
горстки золы.
Семь стрекоз призови.
В семи крыльях
росы ста рассветов
вели принести.
Окропи.
И, когда — новолунье,
скажи:
«Расцвети!»
И взойдёт
цветок-огневик.
Но молю:
на него не гляди.
Бога
не гневи.

***

В семи росах
и ста рассветах,
босиком,
болея
перекатами и форелями,
из чёрных пакетов
окон
проявлю
неожиданное слово
и хитрым разиней
из дрожащих рук
обрадуюсь:
«Ага, а у меня
вот что!..»

Октябрь.
Старый Оскол.

2006 год.
Бумага, акварель,
55х28

Деревья. Памяти Листьева. *(Март в Лошице)*

1997—1999 годы. Бумага, акварель, 75x42

***

Надо мною — лампа стоваттная,
и на кульманах — белые ватманы,
будто окна заглохли инеем.

И лицом к листу приникая,
по ту сторону проникаю...

...тонкой киновари
ветви раскинуты...

Расщепляясь в рыбёшки-мальки,
сети глаз бессонных пройду!

...и луна такая бездонная...

Эти слёзы мои — бездомные.
Облетают они, легки,
стоит на руку лишь подуть.

Женский портрет.

Бумага, акварель

Закарпатье. Вечер.

1986 год.
Бумага, акварель, 48х36

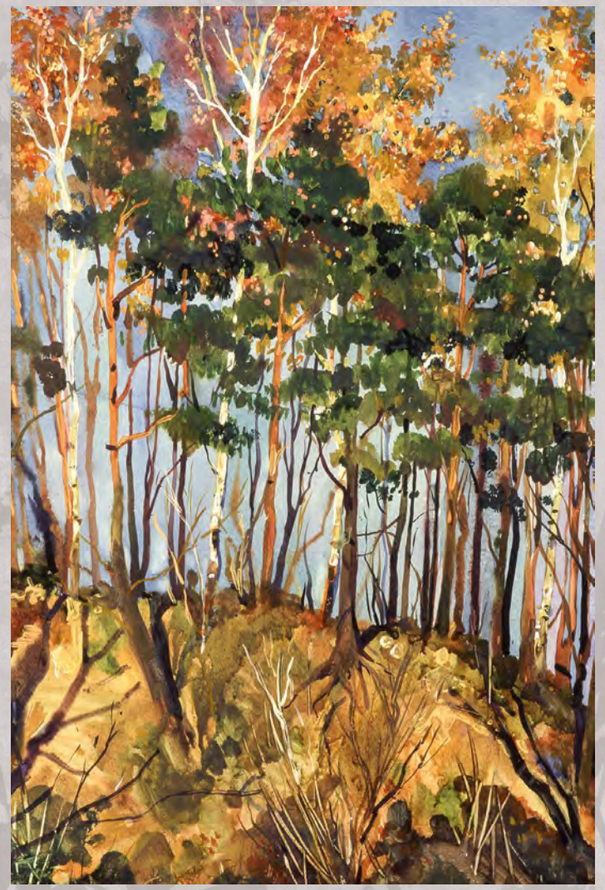
***

Часты капелей часики
солнце гудящей пасекой
белое мимо дерево
вслед наклоняется с берега

Дуют на лоб горячечный,
думают — сны спрячутся.

птиц высоки соцветия
звёздочки в клювах светятся
крыльев лихие лилии
ливней на земле линии

Дуют на лоб спящему,
думают — сны спрячутся.



Осень. Берёзы.

1992 год. Бумага, акварель, 52x75

***

Названья игры не знаю.
Бегом по осыпи света.
Названивают нарзаны
В берёзах — велосипедно.
Пересекаются ветки,
И белки — на плечи сверху...

Опять тёплый вечер *(из серии «Браславские озёра»).*

2006 год. Бумага, акварель, 57x36

Лунная ночь. У Нешумова.

2007 год. Бумага, акварель, 54х44,5

***

Певчей ночи той
голос был берестян.
Осыпал слепой
дождь,
потом — перестал.

И светлым-светла
пела ночь до тла,
и луна текла
по стволам...

И лес воскрес.
Воистину воскрес!

Хором почки разомкнули
коричневые клювики.
Ни звука накануне,
теперь — безумолку!

Портрет Владимира Нешумова

1995 год. Бумага, шариковая ручка, 20,3х29,6.
МКУК «Старооскольский художественный музей»

***

К горлам берёз
подступает лист.
Пульс капель сока
серебряно чист.

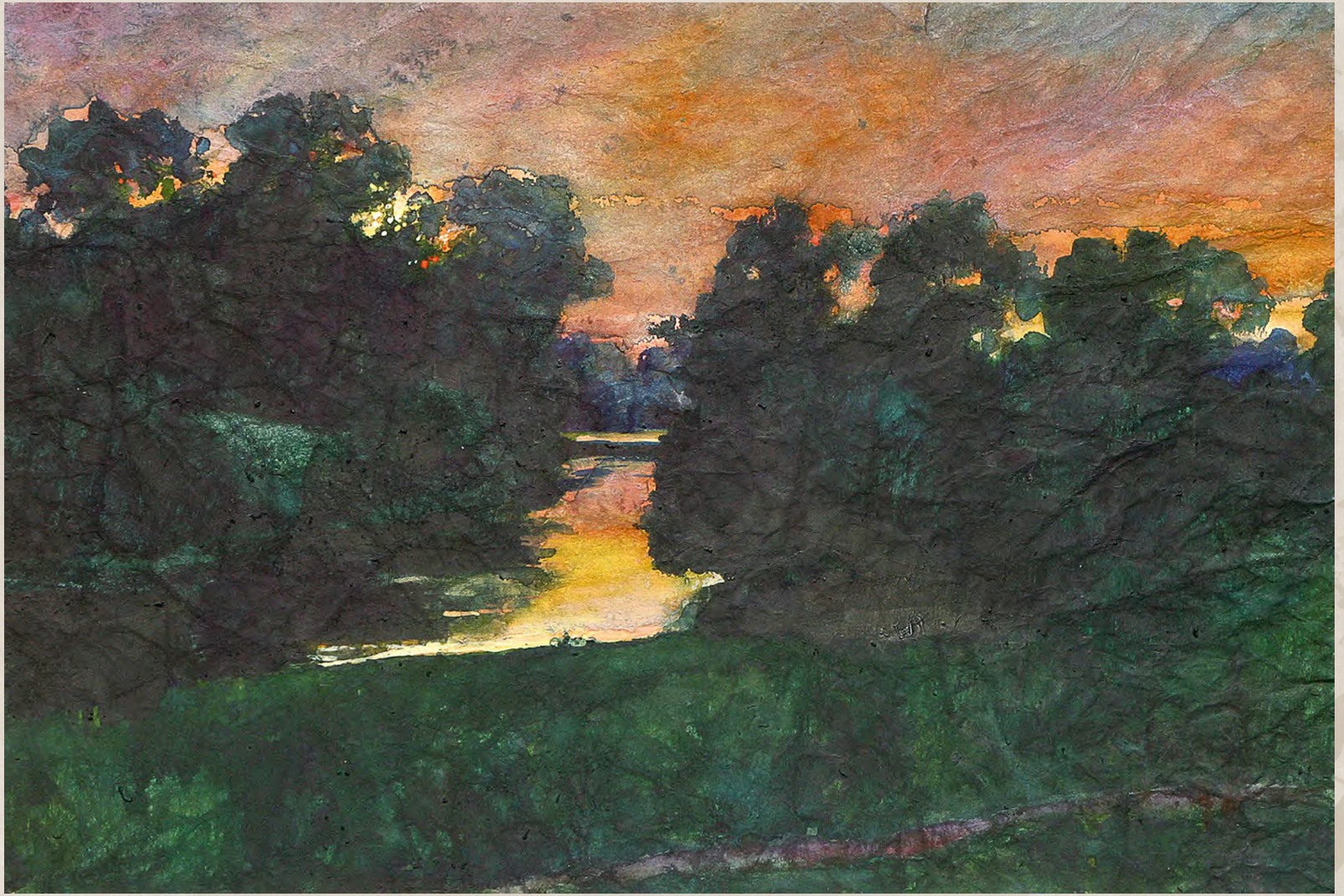
В галочью ночь,
оскудев и отплакав,
залпом в себя —
сок берёзы, как в лампу...

Ах, «гори ясно,
чтоб не погасло»!

В горлах берёз
сердцем весенним
пробует лист
пульс капель сока
серебрян...

Памяти И. Левитана.

1962 год.
Бумага, гуашь. 64x40



Красный закат.

1998 год.
Бумага, акварель, 75х52

***

Пчелиные ночи
изжалили звёзды
клюнули разом
все рыбы
клюквы зажглись
луна обернулась
и грянулись оземь
дрозды
и обернулись
саранками в небо

Ухает филин.
Бьют родники.
Воздух распахнут.
Сквозят светляки.

Колея.

2006. Бумага, акварель.

***

Всё глуше и темней.
Всё меньше на траве
причудливых теней,
и кончики ветвей
всё тоньше и длинней.
Всё глубже и больней.

Дождливый день.

1986 год. Бумага, акварель, 37х64

Утро на Левом берегу.

2002 год.
Бумага, акварель, 45х33

***

В окно,
в рассветный водяной свет
омута комнаты
забрасывает сети ночь.

Тени ветвей по стенам.

И попадается в сети рыбка —
лунная сторона лица,
и остаётся белой
лучшая половина
листа бумаги.

***

Ах, из окна да в поле мне!
След чёрный по росе.
Луна такая полная...
И — никогда рассвет.

А за овсами — сосенки,
бал при свечах, и все —
в крылах, и лунны просеки...
И — никогда рассвет.

И, знаю, повторял не раз,
что пойман в эту сеть
ветвей луны. Я — раб. И — рад.
И — никогда рассвет.

Лунная ночь. Село Кунье.

1996 год.
Бумага, акварель, 75x52

Сухое дерево.

1997 год. Бумага, акварель, 35х53,5

***

Над лесом властвует луна.
Там, в дереве прозрачном сна,
в плену его, внутри — светла
глазам она, как срез ствола.

Объятые листвою лета,
деревья леса там, цветы
ввысь тянутся, и ветви света —
навстречу до зеркал воды.

И ветер там в ночи томится,
и тих вдоль берега тальник,
и лодка птицею таится
на озере в листве луны.

Утро. Село Кунье.

2006 год. Бумага, акварель, 57х31

***

Снится с детства всё тот же полёт
над рекой, над таёжною поймою.
Лунный свет над водой настаёт,
лес распластан крылами, как пойманный.

Снится пленная птица внизу
и серебряным горлом излучины
под луной издаваемый звук
вечной боли, разлукой изученный.

Снится: в даль заглянуть я хочу
за холмы, за пределы излучины
и, взмывая, лечу и лечу...
Просыпаюсь в слезах и измученный.

Холодный ноябрь.

2007 год.
Бумага, акварель, 54х30

Молодая поросль.

2006 год. Бумага, акварель, 48x32

***

Среди тайной хвои
в безлунной ночи
жар-птицыны
папоротники цветут.
Словно спички,
из-под руки
загораются почки,
выпархивают жар-птенцы.
А из воды реки
поднимается парус,
будто пламя свечи.
И расходятся
золотые круги.

Бабье лето. Село Кунье.

2004 год. Бумага, акварель, 48x32

***

И не спать, не спать,
всею кроной встать,
птиц скликать, свистать
из луны испить,
до звезды успеть,
над рекою спеть!..

Речка дальняя —
тронь — хрустальная.
В речку ту с небес,
соловьиный весь,
головой в омута —
голубой водопад.

Закат.

2000 год.
Бумага, акварель, 45х32

***

Ночью костёр не дымит — болит.
Конь вороной — на дыбы — летит.

Ржание птицами
бьётся в листве до луны.

Эхом робеет вода реки.
Сны серебра на лугах легки.

Конь вороной,
ты собою всю ночь заслонил.

Пламя костра не дымит — болит.
Конь вороной — на дыбы — летит.

Закат.

2006 год.
Бумага, акварель, 55х36,5

***

...после — навзничь — в летних соснах,
в зацепленьи крон высоких
намечает хор кузнечиков
прозрачные часы.

В кукованьях, дятлах, солнце
ход весёлый невесом их,
в полудрёме сны беспечны,
желтороты и чисты.

Остров Вера
(из серии «Браславские озёра»).

2004 год.
Бумага, акварель, 75x52

Сирень.

2003 год. Бумага, акварель, 37,5х55,5
МКУК «Старооскольский художественный музей»

***

Кольцо тумана к берегам
расходится.
Ни ветерка,
ни капель вёсельных.
Деревья,
не смея никуда, висят,
и пристальные небеса
пока не требуют прозренья.
Безоблачная голубизна
сама, всецело и без дна
владеет озером
в начальный час
раскрытых глаз.

Перед дождём.

2005 год. Бумага, акварель, 75х52

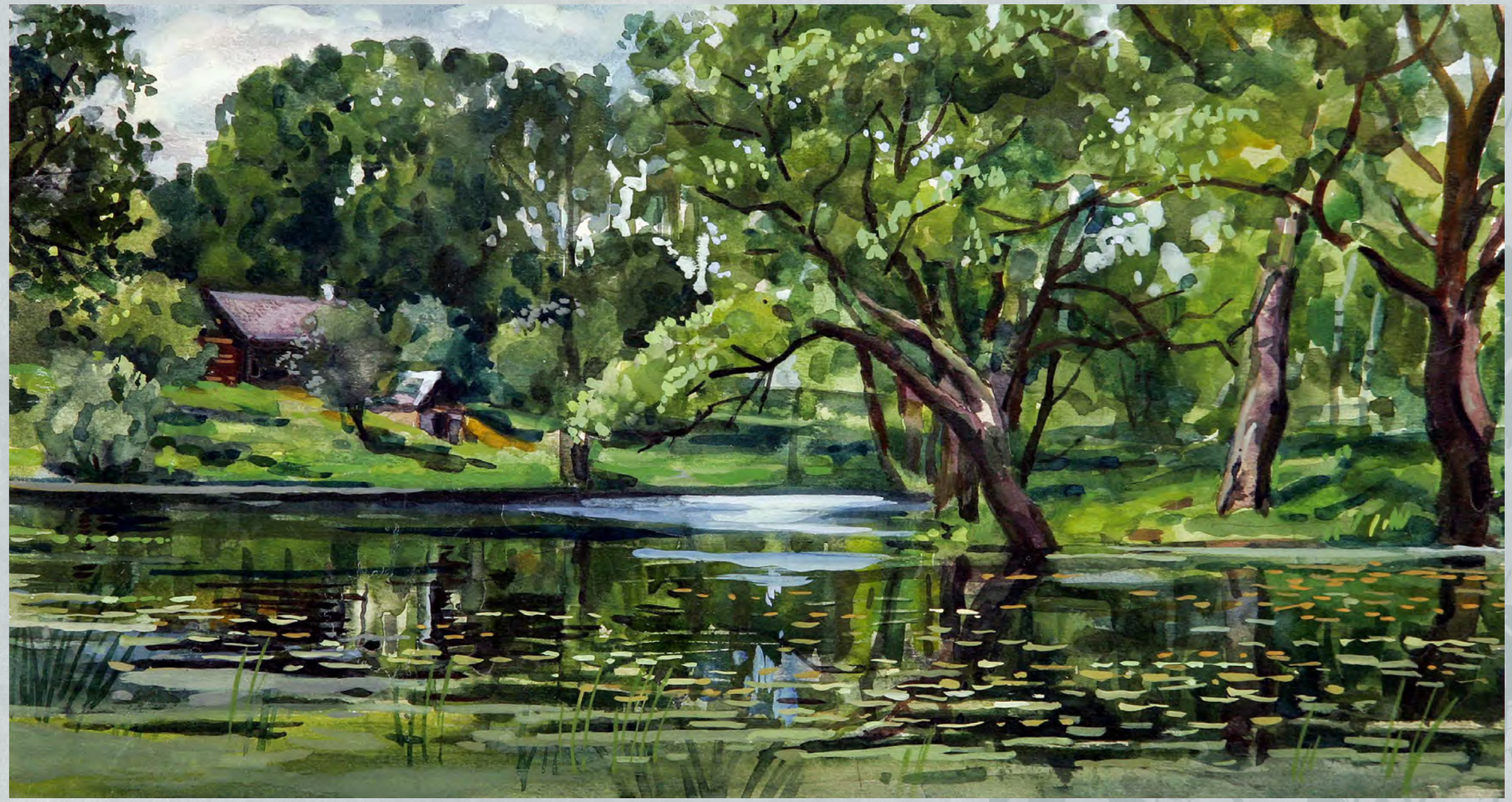
***

Неведомых скрипок...
И тонкие ветви берёзы по ветру.
Неведомых скрипок...
И кроны пронизаны солнечным светом.

Неведомых скрипок
небесный, прозрачный и полный
был звук
и — водою в решёта,
в бесследные дали...
И — шёпот:
запомни, запомни, запомни.

Последние лучи.
Закат.

1998 год.
Бумага, акварель, 75х52



Заросший пруд.

2007 год. Бумага, акварель, гуашь, 57х32

***

Срок суеты отбыв, — туда,
где ножницами за спиной
листва срезает пыль и зной,
где не упомнить зла,
и — ни следа
мороки.
Высшая услада —
плен леса:
тело по теченью трав...

В ладонь мне тычется,
узнав,
прохладный ландыш.

Жасмин.

2007 год. Бумага, акварель, 28х48

***

И в сладостном плену,
я словно бы плыву.
Тумана пелену,
поляну и траву
благодарю за день
беспечности и лени.
«По щучьему веленью» —
и ветерок, и тень.

Пруд в усадьбе Янки Купалы.

2005 год. Бумага, акварель, 75х52

Валины ирисы.

2005 год. Бумага, акварель, 27х37

***

За дальними далёками,
среди кипень-травы
растут туманы тонкие
студёной синевы.

Там край лесной и сказочный,
цветных стрекоз полёт...
Девчонка синеглазая
туман прядёт, поёт.

И струнной её голоса,
извечный и ничей,
звенит и льётся по лесу
из рук её ручей.

Вечерний мотив.

Бумага, акварель.

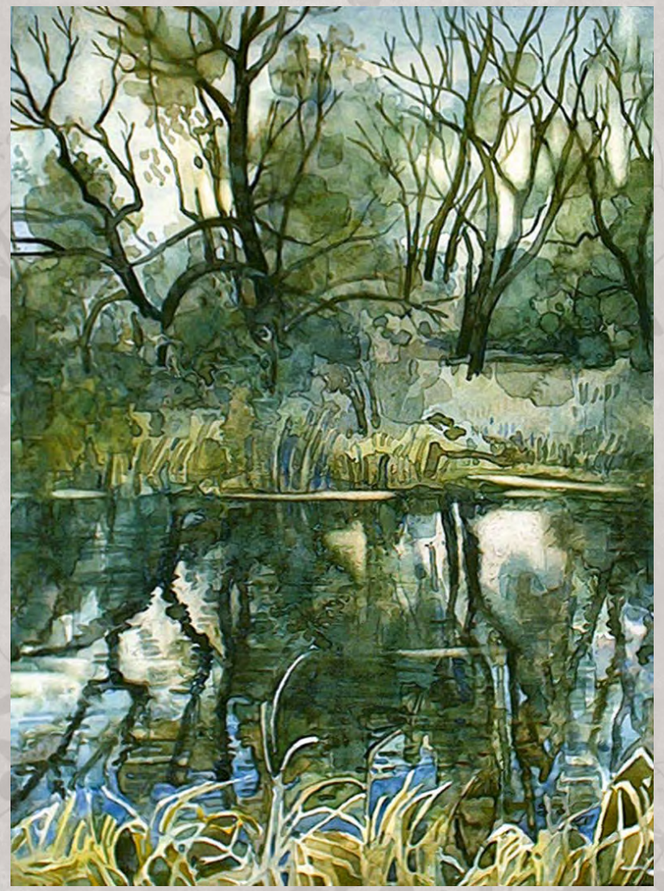
Ирисы.

2006 год. Бумага, акварель, 52x34

***

Над живой витой водою
изначального ручья
две берёзы клонит долу
водопьяная печаль.

И до самой донной гальки
струи светлы и чисты,
и сдержать не в силах капель
голубым глазам листвы.



Отражение.

1998 год. Бумага, акварель, 32x48

Речка в лесу.

2006 год. Бумага, акварель, 23х48

***

В дремучих урёмах,
у самых начал
белый смех черёмух
меня встречал.

Завлекал, и — в прятки,
и, будто невзначай,
предо мною прямо
свет включал.

Белый свет поляны
над блюдцем ключа,
где капли ковали
звенья ручья,

где возникал и мчал
из ничего — кораблик.

Утро на реке Осётр.

1976 год. Бумага, гуашь, 75х52

Чуганы. Разливы.

2005 год. Бумага, акварель, 48x42

***

Накипело во тьме лесной,
во дрёмах мудрёных,
и приспело весной
время черёмух.

Юна, бела, расслаблена,
ночной порой парной
она сосцы уставила
на месяц молодой,
и надобно ль, не надобно —
не знамо ей самой...

А месяц ретивой
играет тетивой,
округу осыпает
серебряной стрелой.

Черёмуха для мамы.

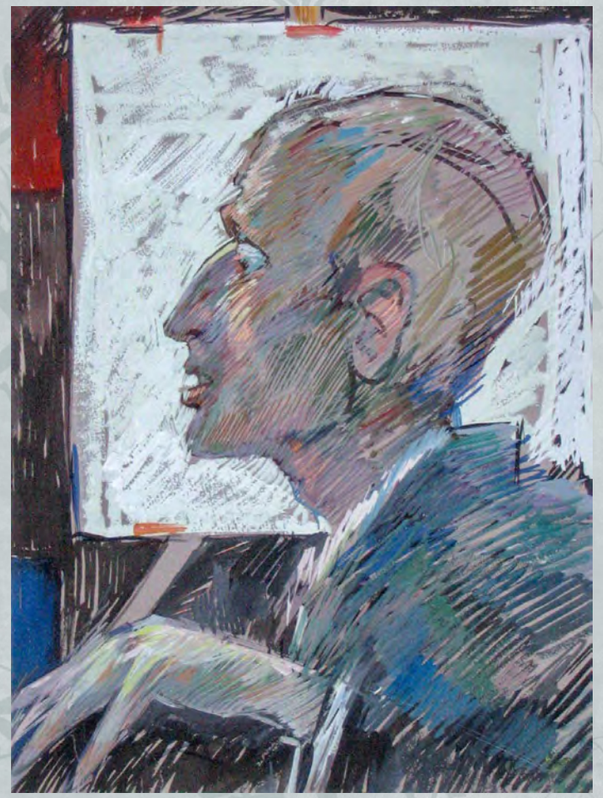
2000 год. Бумага, акварель, гуашь, 52x75

Сирень в Вязанках.

2005 год. Бумага, акварель, 75х52

***

Снова черёмухам цвесть,
словно вселенным взрываться.
Птичья любовная весть
с клюва готова сорваться.
Голь соловьиного свиста
в тонкое слово бы свить,
с губ обоюдно сронить,
чтобы венчального смысла
не расцепить, чтоб оно —
бабочкою, и — в окно,
и — лепетать среди летних
тех лепестков или этих...



Художник.

1968 год. Цветной картон, гуашь, 32х50
МКУК «Старооскольский художественный музей»

***

На реке, на Кареньке —
паутины, пауты.
На папоротники резные,
в тальники, на старицу
семена опускаются —
солнца парашютисты...

На реке, на Кареньке —
сетей суета...
Слитки хариуса
засаливают, затаривают,
над накомарниками
отсветы радугами стоят...

На реке, на Кареньке
кулик скулит...
Мой маленький,
по камешкам, по краешку
строчит, старается
к берегу плёс пришить.

На реке, на Кареньке
жду дожди...
По капелькам
перекатами скатываться
им — скатертью
путь серебряный,
и — весело, и — ни зги...

Бурная осень. Чижовка.

1999 год.
Бумага, акварель, 75x52

Пруд в Чижовке.

2001 год.
Бумага, акварель, 57х36

***

Так странно прозрачно созданы
воды этой реки.
Цветут хрустальными розами
донные родники.
Меж ними снуют окуньки.
Хотят обмануть рыбаки
их, но видны крючки
сквозь лакомые червячки.

Малиновый закат.

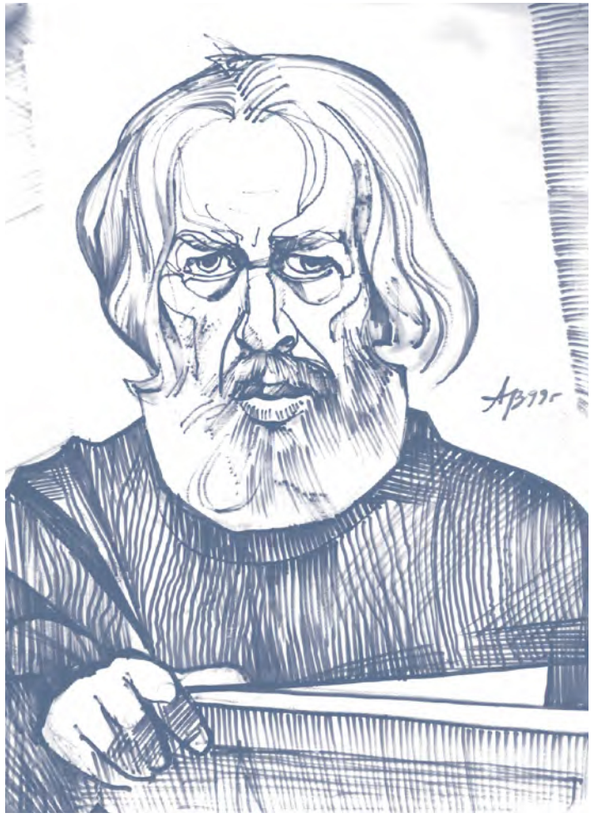
1997 год. Бумага, акварель, 54,5х35,5

***

Малиновая заводь.
Голубая стрекоза.
Не лесками привязан
здесь к берегу закат.

Малиновые звоны,
круги по всей реке,
и поплавков занозы,
и ветви к ним ракит.

Малиновая заводь.
Полосатый окунёк.
Он сто уловок знает,
стоит и не клюёт.



Автопортрет.

1999 год. Бумага, фломастер, 29,3х42.
МКУК «Старооскольский художественный музей»

***

Не мигает поплавок.
Морок воздух заволок,
за рекою милый взгорок,
ясны возгласы берёзок
погасил и занемог.

И в недвижной тишине,
будто с кем наедине
в обоюдном онеменьи,
ива никнет и темнеет
отраженьем в глубине.

Помертвелая вода
в омут вогнуто свита,
клёва нет, одна зевота...
Да, не та, не та погода,
надо удочки мотать.

В селе Кунье.

1996 год.
Бумага, акварель, 46х33

Пора
рыбалки.
Вечер.

2005 год.
Бумага, акварель,
57x31

***

Кутерьма песчинок, солнца,
перекатов пескариный пианист...
Как ладонью из окна,
манит рыба кутема
в острова, в траву, в осоку...
Лески и листки переплелись.
Речка называется Сакмара.
Поплавок ныряет, как в мишень.
Бредень тянут на песок
из воды наискосок...
Лесосплав, уха и тень.
Три ельца и два комарика...

***

На берегу реки — мельница.
Ничего сроду там не мелется —
заброшено, заросло, заглохло,
на слом пора,
но запруда водою теплится,
и колесо вертится.

Спокон веков там,
зачем — трудно сказать,
быть может, от делать нечего,
старушка запечная
разводит паучков.

Множатся паучки,
плетут паутин колёсики,
поблёскивают из тенёт,
растут.
Старушка запечная
с утра до вечера
ведёт паучкам учёт.

Закончит плесть,
помрёт паучок —
поставит крестик.
Народится новый —
запишет номер,
и — закорючку судьбы:
какой паутине быть.

Мост в никуда. Чуганы.

2005 год. Бумага, акварель, 57х41

Сиреневый туман.

1999 год.
Бумага, акварель, 54х35

***

Стою над вечною рекою,
слежу неуловимость вод.
Опасной, тонкою рукою
ночь тихо трогает мой лоб.

Прозрачная прохлада линзы...
И палец мой наждачно груб.
И под луной туманы сизые
среди ветвей берёз текут.

И расстоянья всё длиннее,
всё чаще слово невпопад...
И два листка — на свет — оленьи
не совмещаются никак.

***

Самым летом без тропинки
рано поутру...
И травинку—оторвинку
удержать во рту.
Догоняют невидимки
Следом по ветру,
и лесные нелюдимки —
по ветвям вокруг...

Одуванчики.
Утро на реке Свислочь.

2000 год.
Бумага, акварель, 57х36.
МКУК «Старооскольский художественный музей»

Дыхание весны.

1999 год.
Бумага, акварель, 75x52

***

Последние стволы
легки и мимолётны.
Откроется поляна —
стеклянная светлынь!

Крылатые цветы,
покинув стебли, там
так резвы, что хоть сам
разуйся и лети...

Аллин букет с колокольчиками.

2001 год. Бумага, акварель, 75х52

***

Вертолётные ромашки
облетят вокруг и сядут
на руки,
на рукава рубашки,
и уставятся десятки
любопытных жёлтых глаз:
кто пришёл-де в лунный час
на поляну, почему,
и дозволено ль ему?
«Он зван увидеть», — голоса...
И две ромашки мне в глаза
влетают...

Отражение *(из серии «Браславские озёра»).*

2007 год. Бумага, акварель, 54х30

«Дальний берег»
(из серии «Браславские озёра»).

2006 год.
Бумага, акварель, 48х32

***

А жарков-то, жарков —
желтков, желторотиков!..

А один, ах, жарок,
ах, — мимо рук!

Аж хвостом костра
полыхнуло,
светляками средь бела дня
осыпало.

А вы бы удержали?

Как пошёл винтом —
только тени колесом,
на соснах кроны золотом
обозначились.

Футы-нуты лапти гнули —
и те рты разинули.

***

Деревья скрытны и дики.
Среди своих, в лесах они
сплетают кроны, и — тихи,
неторопливы и вольны
их разговоры и — просты,
как ветер, дождь или река.
Над ними в небе облака,
их ветви птицами пестры
на солнце в утренней росе.
Но от людских восторгов: «Ах!» —
они меняются в лице,
немеют, и — глаза в слезах.

Ноябрь.
Первые заморозки.
(Чижовка, Минск).

1995 год.
Бумага, акварель, 75x52

Грибы.

2001 год. Бумага, акварель, 56х48

***

Есть в лесу лесовичок.
Среди трав лужаек
всё он бродит, кулачок
к уху прижимает.

Старичок — лесовичок,
беленький тихоня,
в кулачке его сверчок,
словно в телефоне.

Как затренькает сверчок,
оглядится старичок, —
«Здеся!» — скажет,
рассмеётся,
топнет ножкой,
кувыркнётся,
синим глазом подмигнёт,
а потом на пенёк
сядет и споёт:

«Вырастай, росток,
расцветай, цветок,
лодкой парусной
обернись, отчаль...
Лодке радостно,
а мне — печаль.
Ох, скучно мне,
ох, тошно мне
сидеть на пне
при такой луне...»

Осенний мотив. *(Чижовка, Минск).*

1997 год. Бумага, акварель, 56,5х37

***

Острых босых гроз
пляс изломанный налетал,
и — взахлёб,
и захлёстывал ливнями в петли
по излогам, омшарам,
ушастым кустам,
где куриными плёнками
гроздья смородины слепли...
Это я их накликал,
не бойтесь, они не укусят,
только клювики градин —
по стёклам, по кровлям, зонтам...
Просто холод забытый
мне горлом к глазам подступал
и прорвался.
И, может быть, вырастут грузди...

Ноябрь.

2007 год.
Бумага, акварель. 65,5х43

Осенний импровиз.

1995 год.
Бумага, акварель, 54х37

***

Сняв напряжение с вершин,
гроза свернулась
котёнком.
Лес напоён и недвижим,
и светел снова,
спокоен.

Лишь одиночный лист порой
берёза с ветки
уронит,
да папоротника перо
от капли редкой
чуть дрогнет.

***

Над взглядами
летает алый лист
трефовый дымный преферанс пихтовый
похмельный холод острых полшестого
и пальцы опускает пианист
и кедры носят каплю как сосуд
колокола берёзово прозрачны

И — утро. Осенью.
Проснусь калачиком —
осинки пальчиками
трясут...

Осенний этюд.
Село Кунье.

2003 год.
Бумага, акварель, 45х24

Осеннее настроение.
(Чижовка).

1995 год.
Бумага, акварель, 65,5х33,5

***

Светает.
И словно всплывают,
деревья из тайных глубин,
и зыбкие их очертанья,
не пойманные сквозь дым
золотого костра, обретают
ствол ветви...
Костёр затухает,
ночные виденья стихают.
И ловишь восход и молчишь.
Возносится хвойная тишь.

Закат. Начало октября.
(Чижовка. Минск).

1995 год.
Бумага, акварель, 75х52

***

Ловкий ветер витой
налетал на затон,
затухал и, моргая
остатком огарков,
ветви в жестах немых
унимались. Затон
обнимал тихий сон —
сумрак синих пихт.

Ласка лодки воде легка,
била вёслами по слогам.

Тонкий лист золотой
по-над тёмной водой
улыбался лукавой
зеркальной загадке.
И рыбачил рыбак,
вслух ругаясь о том,
что не водится сом
здесь «с усом» и рак.

***

Осенней, ясной той поры,
янтарной, тихой теплоты
взмывали ввысь с ветвей плоды,
словно воздушные шары.
Потом созвездия роились.
Глаза мои им вслед молились.

Красный куст. *(Кунье. У Нешумова).*

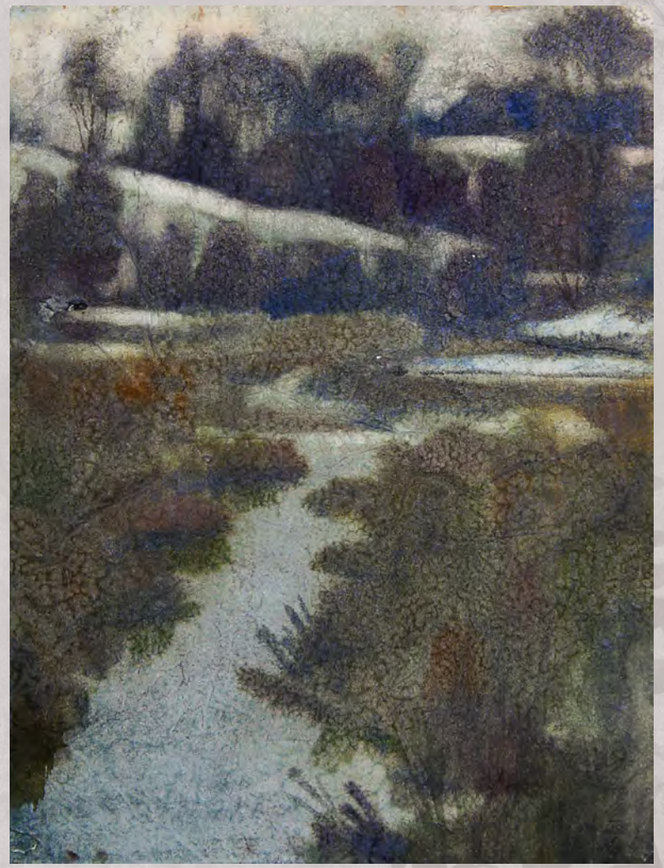
1998 год. Бумага, акварель, 52,5x24

Мокрая осень. *(Лошица).*

1995 год. Бумага, акварель, 75х52

***

Мерцание последних стай
и листьев
улеглось.
Настал осенний свет
в лесах моих.
Спокоен, тих тот свет.
И сеть
ветвей нагих
пред ним ясна
до самого до дна
листвы.
И суть крыла ясна,
и — сна.



Настал осенний свет.

2000 год. Бумага, акварель, 33х45

Раздумье об осени. Октябрь. *(Кунье. У Нешумова).*

1998 год. Бумага, акварель, 52,5x24

***

Булату Галееву

Грусть берёзы,
даль несметна,
клавиш рябь...

Осторожно,
не спугнуть бы
и сыграть,

как взлетали
ночью птицы из костра,
осыпали
кроны горсти серебра,

как под утро
капли падали в песок,
а потом он
взялся паром и просох,

как по озеру
бел парус проскользил,
и в берёзах
отзвук пел неугасим...

Грусть берёзы,
дым белёсый,
клавиш рябь...

Осторожно,
не нарушить
и — сыграть.

Октябрь. Село Кунье.

2004 год. Бумага, акварель, 56,5х37,5

***

Странный сад.
Плодоносит кукиши.
За ночь, как в кармане,
наливаются они на ветках
и взрываются разноцветными
громкими, как салют, семенами.
К утру недозревшие
прикидываются грушами.
Их кушают.

Осенний денёк. Кунье.

2004 год. Бумага, акварель

Незнакомка.

1976 год. Бумага, гуашь, 25х43

***

В гранёные ели распадков
ты в полую полночь приходишь,
как будто на помощь гравёру,
живая.

Но иней красивый в моём
негативе, в прозрачном морозе
кристально, жестоко всесилен
невольно.

И ночью, и утром я чёрен,
как уголь затменья, и рушатся
друзы мороза беззвучно вокруг,
как во сне.

И в зеркало гляну: в глазах моих,
вогнутых ветром безводным,
протускли асфальты позёмкой
шоссе.

Замёрзший стожок.

2007 год. Бумага, акварель, 41х30

Весна в Лошице.

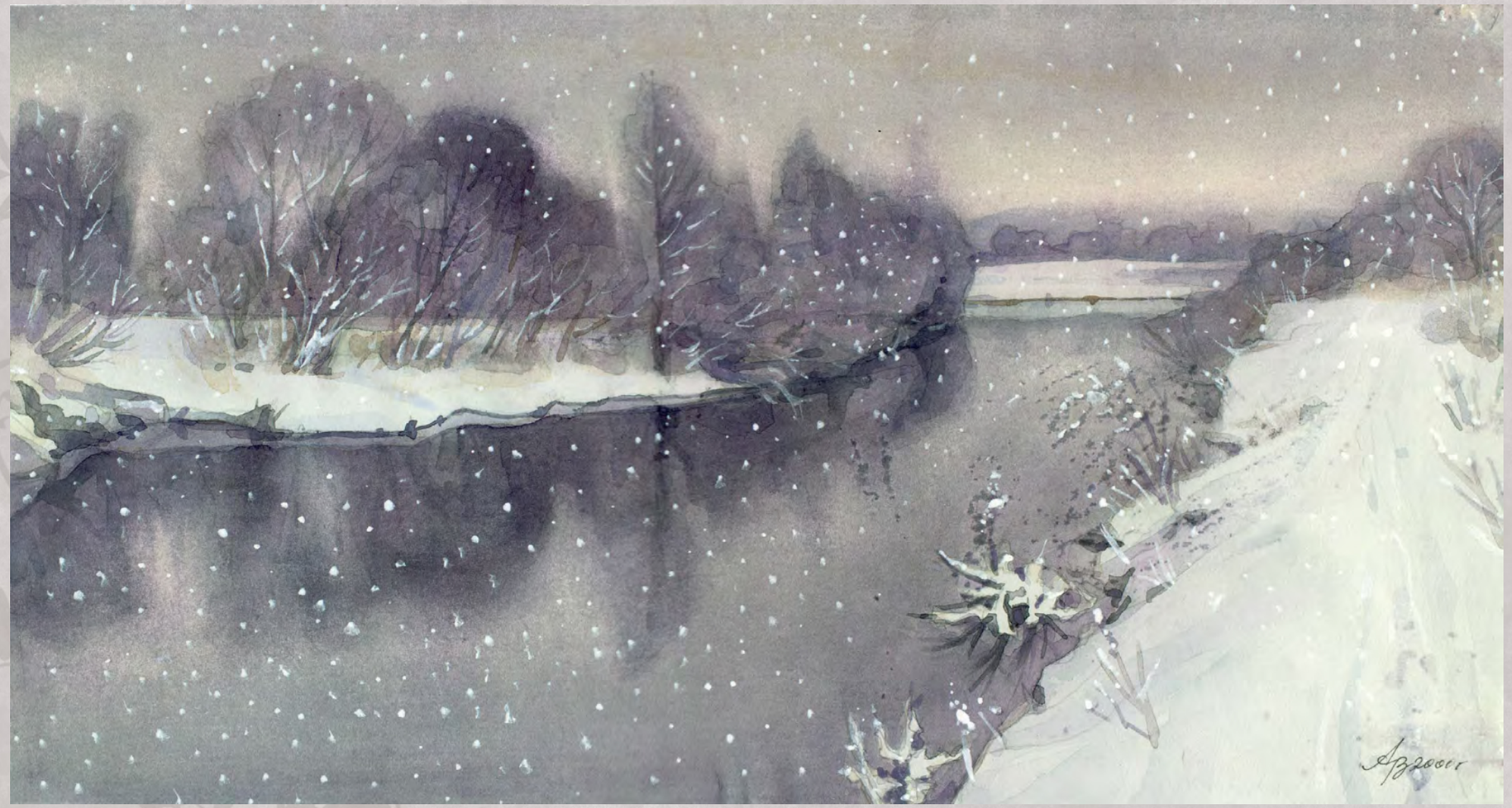
2000 год.
Бумага, акварель, 60х40

***

Это пасмурными настами навеяно,
и метель ночная улеглась улиткой...
Скусывая почку с ветки липы,
обернусь нечаянно,
хоть в сказке и не велено,
и предстанет, будто в простынях,
как лицо больного, — полынья.

***

Небо — чистой воды.
Бор в ночи осиян.
В кронах — синей звезды
излученье семян.
Им — метелье мельканье,
им пределы малы,
им вверяется тайна,
и снега им — белы.
И, глаза опустив,
вижу склоны Саян,
вижу снег — негатив
неба...
«Тайна сия
велика есть».
Я знаю...
Семена той звезды
сохраню — и, роняя —
до единой слезы.



Снег.

2000 год. Бумага, акварель, 38x20

***

Стынет иней зимы.
По ветвям —
паутина луны.

Клавиши лыжни
звенят, звенят...

Кружит крона сосны.
Тени осин —
голубы, длинны...

Господи,
осени нас, разинь,
не дай прозевать!

Там, за сопками,
в бубенцах бузины
прорезаются глаз
огни зелены...

Клавиши лыжни
звенят, звенят, звенят...

Иней. Лошица.

1999 год.
Бумага, акварель, 62х35

Иней.

2005 год.
Бумага, акварель, 42,2х31

***

За дни заведомых сутолок
нисходит тень синих сумерек
и растворяет леса.
И нету глазам границ,
и — в невесомость летать!..
И вдох до лопаток сладок!
И снегопада осадок —
замедленно, мимо, вниз
возносит, как сон. Возносит
в те ясные зимние ночи,
где в инее сонмы берёз —
как будто дыханье в мороз.

Дай Бог тебе, имярек,
хоть час этих сумерек.

Владимир Нешумов

Акварель Афанасьева

Смотрю в окно: видна часть берега, деревянная лодка, вытащенная на песок, два куста, расцвеченная закатом вода... Поверну голову налево: на бревенчатой стене комнаты висит картина-акварель: выдернутая на берег лодка, кроны вётел, перламутровая вода, — вроде бы тот же самый вид-пейзаж, что и в рамке окна, да — не тот...

На картине пейзаж «разыгран», «гармонизирован» ритмикой цвета, пятен, линий, являет собой то, что мы привыкли не совсем верно именовать словом «образ». И в душе зрителя создается иной закрут, чем при взгляде в окно, и возникает желание выудить из сочетанья прозрачных красок не окунька — стихотвореньице. Бывает иногда — и выуживается:

Закатными из облаков зияньями:
загадками, рекою отражёнными,
лекальною рукой со взаимными —
легко и колонково сопряжёнными
водой и красками, — акварелист
убойно, мастерски «марает» лист...

Вот потому и висят на стенах в моём доме картины-акварели Виктора Сергеевича Афанасьева, старинного моего друга, ежегодного желанного гостя, замечательного художника, которому, помимо таланта и прочих врождённых и благоприобретённых качеств и умений, дано главное, без чего никак и никогда не может состояться истинный художник, дана ему счастливая и мучительная участь: быть любимым его Музой, капризной дамой по имени АКВАРЕЛЬ. Он — Её избранник.

Своих избранников, заметь,
Она сама облюбовала,
Её любовь страшней обвала,
Но не опаснее, чем смерть...

сказала об этом по другому поводу поэт Лира Абдуллина.

Полюбила прекрасная АКВАРЕЛЬ Афанасьева давным-давно. И хотя на первый взгляд может показаться, что события его биографии случились сами по себе, но это не так. Именно АКВАРЕЛЬЮ были уготованы ему: и учёба в Московском художественно-промышленном училище им. Калинина (1959—1964), и учёба в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова (1964—1973) с перерывом на армейскую службу в секретном городе Красноярск-26 (1964—1967), и трудовая деятельность в цехе промграфики и плаката на Московском комбинате художественных работ, и, конечно же, ежедневные упражнения на бумаге карандашом и красками... И обретения, и утраты, и невзгоды, и удачи... Всё это затем и для того, чтобы стал он достоин Её, АКВАРЕЛИ, чтобы перестрадал, многое познал, постиг, чтобы умён стал и умел...

Поэтому художник Афанасьев знает-понимает, что природы неодушевлённой не бывает, вот только дана душа всему в «подлунном мире», исключая человека, раз и навсегда и всякому своя, и — постоянна, неизменна во времени. У «равнодушной» природы нет обратной связи с Создателем. У человека — есть. И есть свобода выбора — уменьшить свою душу или прирастить. И людям путь определён единственный для приращения души — искусство.

Поэтому домашний Афанасьев, муж и отец семейства, взяв коробку красок, воду, кисти, бумагу, вдруг превращается в Афанасьева-угодника, чтобы вступить в любовный поединок с любимой АКВАРЕЛЬЮ (натура — лишь повод и место встречи, форма для проявления чувства); он может и умеет ублажить, быть побеждённым Музой, то есть создать в конце концов то, что велит Она, не своевольничая... Потом, конечно же, лукавит, прибедняясь: «Таланту не хватает»...

Посмотришь на готовую работу, на плод любви Художника и АКВАРЕЛИ, и на душе — теплеет или же сперва — знобит-холодит, а после — мягчеет, легчает и отпускает... Не собираюсь говорить о технике. Весь тот набор необходимых условий, без которых художник просто-напросто невозможен, в данном случае наличествует с лихвой; достоинство немалое, но так бывает у многих; а здесь исполнено вдобавок и достаточное условие: взаимная любовь Мастера и Музы — вот это выпадает не часто и не любому-каждому.

Река Свислочь. *1998 год. Бумага, акварель, 56х36*

Владимир Нешумов.
Сборник «Девятистрочия»

ВЫСТАВКА

Пейзажное со стен молчанье
красок-струений
Виктора Афанасьева акварелей,
ловца душевных состояний,
вызывает из иных измерений
похожее в ответ звучанье
строк-усмотрений
Фета Афанасия стихотворений,
певца «...волшебных изменений...».

ДЕРЕВЬЯ

Заморозки-остроты
погибельны мошкаре,
поползней медосмотры
полезны коре
для здоровья,
рощи просторны,
ветка безлиста...
и совпадают деревья
с помыслами акварелиста.

Надежда Стахурская

Воспоминания навеяла осень

Гуляя по оскольским улицам в конце сентября, волей-неволей вспоминаешь весёлого человека небольшого росточка с кудрявой золотистой бородой, живыми глазами, быстрыми движениями, одетого запросто: в клетчатую кепочку, неизменный тёплый свитер грубой вязки, подаренный ему тёщей, и потому носимый почти постоянно. Этот человек появлялся в Осколе всегда осенью. Приезжал с огромной папкой акварелей, написанных в разные годы, из Минска, где проживал, как правило, через Москву, где была его квартира-мастерская. А особенно дорожил он последними, недавними, и спешил поделится запечатлённым с другом, которого ценил и любил. Да-да, многие читая эти строки не ошиблись, узнав в набросанном образе величайшего мастера акварели рубежа XX—XXI веков Виктора Сергеевича Афанасьева.

Расскажу вам историю дружбы, длиною в сорок лет, для многих — это почти целая жизнь. Началась она далеко во времени и географически — в 60-е, в закрытом городе Красноярск-26 (ныне Железногорск), где проектировал первый в СССР спутник «Молния» конструктор и поэт Владимир Нешумов, а художник, в будущем акварелист, Виктор Афанасьев проходил срочную службу в рядах Советской Армии. А продолжилась уже зесь, в Старом Осколе, куда многие годы каждую осень неизменно приезжал Афанасьев. Как он объяснял, «выкопав картошку и убрав огород», — к своему родному человеку Владимиру Нешумову. Между безоблачным Красноярском-26, где всё было ещё впереди, и зрелым Старым Осколом — многие годы скитаний и мытарств по стране, метаний от работы к работе, поисков смысла в окружающем пространстве, столкновениях с людьми, творчестве... Судьба Нешумова, по словам Булата Галеева, — готовый сюжет, который так и просится в литературу. Впрочем, о судьбе Афанасьева можно написать и повесть, и даже роман.

Владимир Вячеславович обладал редким даром — цельностью ума, которой не существует без чистоты души и помыслов, глубокой порядочности, безошибочной проникновенности в суть дела, восторженного восприятия жизни. Его речь предельно точна, в стихотворениях музыка звуков (благозвучие) сочетается с необычайной глубиной образов.

Художника Виктора Афанасьева отличает особая колористическая акварель. Писал он по-разному: некоторые работы складывались легко и быстро — аля-прима, другие, по замыслу многоплановые и сложные, напротив, — непросто — многослойными лессировками. Да и писались они иногда месяцами — вырастали-вызревали. Любил мастер делать акварели на одном дыхании, пастозно и жёстко — кистью из обычной свиной щетины. Большинство минских листов написано ночью, по признанию автора, — когда некому ворваться в тонкий мир переживаний, дети — спят

Наступление весны.

1995 год.
Бумага, акварель, 75x52

Из воспоминаний
Татьяны Кузьминичны Нешумовой:

— По осени мы всегда с нетерпением ждали Витю Афанасьева с кипой новых работ, многие из которых остались у старооскольцев, друзей художника и поклонников творчества. Для нас этот приезд был всегда желанным, праздником души.

Самые яркие страницы нашей жизни с Владимиром Нешумовым связаны с селом Кунье Курской области. Это волшебное место — наш с Володей рай на земле. Пупок Среднерусской возвышенности в центре водораздела. Там он любил уединяться, сливаясь с природой. Закаты несказанной красоты, озеро, сияющее всеми оттенками золота, серебра и перламутра. Лёгкий воздух, рыбалка, цветы вокруг и фруктовый сад, который он сам насадил. Домик был куплен у местного пьянчужки, стоял на краю села и имел неприглядный вид. Володя с сыном Рустемом отремонтировали его, обновили. Именно в Кунье Афанасьев с Нешумовым жили всю осень, топили печку, уплетали свежесваренную ушицу и творили свои шедевры.

Витя для нас был более чем родной: добрый, отзывчивый, щедрый в дружбе, лучезарный, как ребёнок. К тому же Афанасьев — большой мастер акварелей. Он умел улавливать ускользающие моменты красоты окружающей природы и одухотворять их своей волшебной кистью. Картины его — живые, говорящие. При изменении освещения в течение дня акварели выдают всё новые, невидимые ранее образы.

Работы Вити, как осенние листочки, разбросаны по разным городам России и зарубежья.
В Старом Осколе у Афанасьева было много друзей. Для всех он находил время, тёплые слова и... подарки — свои удивительно трогательные картины. Мы всегда собирались в кругу друзей. Это были незабываемые вечера: байки, истории и смех до ушей...

Времянка Николая Ивановича. *2001 год. Бумага, акварель, 38х57*

Владимир Нешумов.
Сборник «Равновесия»

СУМЕРКИ

Виктору Афанасьеву

По реке плывёт сало-шуга; из «гнилого угла» промозглостью ноябрит; стёкла окон снаружи морось лекалит-кривит, будто бы норовит и не в силах выговорить: стало быть...; хочется нахохлиться и в сумерки свет зажигать не хочется...

Значит, сезон рыболовный закончен, лежит на боку до весны в зимовальной тиши сазан, и напарник художник, души растравник, у печки на топчане акварельно-апрельному сну своему созвучен:

то не ветер во поле — окариною, —
друг-приятель в свитере под периною...

(а Виктор Сергеевич вырастил двоих своих и, в последние годы, троих приёмных) и не надо суетится по кухне, варить бесконечные борщи и встречать всех по очереди из школы. Именно в преклонные годы Афанасьев создаёт великолепные работы, настоящие шедевры. Ранее время и силы отнимала работа в промграфике. Многие сильные этюды пишет художник в с. Кунье, многие значимые акварели воссоздаёт по воспоминаниям о днях, проведённых на берегу Старооскольского водохранилища и в нашем городе.

Владимир Нешумов помог организовать две персональные выставки друга в Старооскольском художественном музее и одну в отделении Сбербанка по улице Ленина.

Ежегодные творческие встречи оставили в наследии поэта немало стихотворений, посвящённых другу и его акварелям, в сборниках «Виток», «Равновесия», «Девятистрочия», и зарисовок в прозе в последней, автобиографичной книге «Места».

ПЕЧКА

Та, от которой пляшет
каждый, кто пашет, пишет...
которая пышет
жаром от устья
до оголовка трубы,
в пору безлистья
обогревая углы избы
мирного захолустья...
но — отнюдь не судьбы.

(*Сборник «Девятистрочия»*)

Виктор Сергеевич ненамного пережил своего друга. Ушёл из жизни 21 февраля 2010 года. В 2016 году в Старооскольском художественном музее была собрана выставка Афанасьева «Воспоминания», в основном, экспонировались работы из частных коллекций. Что интересно — друзья «тёплого» круга откликались на просьбу предоставить картины с радостью и пониманием.

Я часто думаю, могут ли сейчас так дружить? Пронести сердечное тепло и этот незатухаемый огонёк молодости, родства душ через многие годы, сохранив верность друг другу и преданность выбранному делу. Мастеров акварели и слова объединяло творчество, стремление жить не пусто, не для благ мира сего, желание преумножить те сокровища, которые и заставляют нас вновь и вновь возвращаться к акварелям Афанасьева, стихам и прозе Нешумова. Им дано было свыше откровение — так выразить на бумаге свои переживания, размышления, сердечную радость Бытия. Нам дано — попытаться хотя бы в эти прозрачные осенние дни стать причастными к стремлению понять суть явлений:

Былые листья
мазками кисти,

подобно гамме
по амальгаме
плывут в иное...
с ладьёй-луною
чтоб золотою —
«иль это... снится?».

Газета «Педагог. Вожатый. Родитель» (№ 10, сентябрь, 2018 год)

P. S. Читаю в последнем письме Виктора Сергеевича, привезённом мне из Москвы другом перед наступлением нового, 2010 года:

«Нам надо ещё много сделать в память о Володе... Переснять несколько новых и старых картин, которые не вошли в список. Потом... Надо печатать по одной со стихами Володи (обо мне) или подобрать из «Свёртков» [так назывались стихи из книги «Виток»]... Там же могут быть и мои пейзажи, которые висят у Володи в квартире. Там, кстати, есть картинки сильные, которые не вошли [пока] в наш вариант. Есть предложение: худшее убрать и включить [акварели] из коллекции Нешумова. Их надо переснять при дневном свете...

Я думаю использовать всю палитру для фона, [взять] очень тёплых и тонких цветов (в зависимости от работы), а также холодных (лиловых, серых, умбристых)...

Пожалуйста, найди получше фотографию Володи. Может быть, использовать вообще нашу двойную фотографию [в селе Кунье], где мы прекрасно оба выглядим, он меня обнимает?.. Может быть, вместо фото [Нешумова] взять мой рисунок? Как-то по логике будет лучше, ибо весь альбом-буклет мы посвящаем памяти Володи Нешумова...»

Мечты сбываются.

Книга, которую вы держите в руках, состоялась именно потому, что в какой-то момент Виктор Сергеевич Афанасьев заставил меня собрать по крупицам электронный архив его работ и фотографий, сберечь фотосъёмки выставок, набрать с разрозненных рукописных листков статью Нешумова. Вместе с письмом прибыли и написанные его рукой подписи ко многим акварелям, включённым в нынешнее издание. С той осени прошло почти десять лет. Часть работ была взята в электронном архиве, некоторые сняты со слайдов, оставленных Афанасьевым, часть перефотографирована специально для «Сон-лесов» с картин, хранящихся у старооскольцев, друзей и знакомых Виктора Сергеевича.

Содержание

5. «За семью болотами...»
6. «Зову...»
9. «Насквозь пространственны леса...»
10. «Ох-ох-ох, в краю коряг...»
13. «Птичий ветер...»
14. «В семи росах...»
17. «Надо мною — лампа стоваттная...»
19. «Часты капелей часики...»
20. «Названья игры не знаю...»
23. «Певчей ночи той...»
24. «К горлам берёз...»
27. «Пчелиные ночи...»
29. «Всё глуше и темней...»
31. «В окно...»
32. «Ах, из окна да в поле мне!..»
34. «Над лесом властвует луна...»
36. «Снится с детства всё тот же полёт...»
39. «Среди тайной хвои...»
40. «И не спать, не спать...»
42. «Ночью костёр не дымит — болит...»
44. «...после — навзничь — в летних соснах...»
46. «Кольцо тумана к берегам расходится...»
48. «Неведомых скрипок...»
51. «Срок суеты отбыв, — туда...»
52. «И в сладостном плену...»
54. «За дальними далёками...»
57. «Над живой витой водою...»
58. «В дремучих урёмах...»
61. «Накипело во тьме лесной...»
63. «Снова черёмухам цвесть...»
64. «На реке, на Кареньке...»
67. «Так странно прозрачно созданы...»
69. «Малиновая заводь...»
70. «Не мигает поплавок...»
73. «Кутерьма песчинок, солнца...»
74. «На берегу реки — мельница...»
77. «Стою над вечною рекою...»
78. «Самым летом без тропинки...»
81. «Последние стволы...»
82. «Вертолётные ромашки...»
85. «А жарков-то, жарков...»
86. «Деревья скрытны и дики...»
89. «Есть в лесу лесовичок...»
90. «Острых босых гроз...»
93. «Сняв напряжение с вершин...»
94. «Над взглядами летает алый лист...»
97. «Светает. И словно всплывают...»
99. «Ловкий ветер витой...»
100. «Осенней, ясной той поры...»
103. «Мерцание последних стай...»
105. «Грусть берёзы...»
107. «Странный сад...»
108. «В гранёные ели распадков...»
109. «Это пасмурными настами навеяно...»
112. «Небо — чистой воды...»
114. «Стынет иней зимы...»
117. «За дни заведомых сутолок...»

118. *Владимир Нешумов.* Акварель Афанасьева.
121. *Надежда Стахурская.* Воспоминания навеяла осень.

Нешумов Владимир Вячеславович

Сон-леса

сборник стихов

графика Виктора Афанасьева

Дизайн, компьютерная вёрстка: **Надежда Стахурская.**
Фото: **Александр Ретунский, Надежда Стахурская, Валерий Воронов.**
Компьютерный набор, редактура: **Светлана Борисова.**

Сдано в набор 25.06.2019. Подписано в печать 8.10.2019
Формат 60x84/12. Объем 11 п. л. Гарнитура Lazursky.
Печать офсетная. Бумага 150 г/см^3 мелованная. Тираж 500 экз. Заказ № 74082

Издательство «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

АФАНАСЬЕВ Виктор Сергеевич родился 1 января 1944 года в деревне Андреевка Тамбовской области. Окончил школу в городе Воскресенск Московской области в 1959 году. Учился в Московском художественно-промышленном училище им. Калинина на отделении ковроткачество (1959—1964), затем в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова у педагогов Н. А. Пономарёва, Б. А. Успенского, М. В. Маторина, О. М. Савостюка. Проходил армейскую службу в Красноярске-26 (1964—1967). В 1973 году окончил графический факультет, затем 29 лет трудился в цехе промграфики и плаката Комбината художественных работ в г. Химки. С 1991 года занимался только живописью и рисунком.

Умер 21 февраля 2010 года.

Художник-график работал в жанре пейзажа, портрета и натюрморта, известен акварелями, выполненными в традициях русской реалистической школы. Член Союза художников СССР с 1978 года. Участвовал во многих республиканских, всесоюзных, зональных выставках. Виктор Афанасьев провёл несколько персональных выставок в Москве, Минске, Старом Осколе. Основные работы: плакаты «Сохраним гармонию природы», «Прометей», «Концерт классической музыки»; серия плакатов «Мир вокруг нас»; гуашь «Художник»; серии акварелей, написанных в окрестностях Минска (Беларусь), Старого Оскола, селе Кунье Курской области, серия акварелей «Браславские озёра». В. С. Афанасьев посвятил акварели более 50 лет жизни. Его работы находятся в коллекциях, галереях и музеях России, Белоруси, Казахстана, Японии, Франции, США, Германии, Англии.